Гоголь и Александр I (из комментариев к «Мертвым душам»)

В свое время Д.С.Лихачев в статье «Социальные корни типа Манилова» обратил внимание на то, «что в Манилове определенные признаки принадлежности его К высшему бюрократическому кругу России». Однако вполне устоявшаяся к тому времени в литературоведении точка зрения на «Мертвые души» как на николаевской художественное отражение эпохи (cp. название известного труда М.С.Гуса «Гоголь и николаевская Россия», М., 1957) заставила ученого, на наш взгляд, сместить хронологические ориентиры своего исследования и в результате прийти к такому выводу: «Николай І, конечно, не был непосредственным прототипом Манилова (соблазн увидеть в Николае I прототип Манилова велик), но между ним и Маниловым намечается отчетливое типологическое сходство» 1.

на самый даже первый взгляд, гораздо более «отчетливое типологическое сходство» имеется между ЭТИМ гоголевским героем и государем Александром Павловичем (хотя, разумеется, и здесь речь не может идти о непосредственном прототипе). К тому же следует иметь в виду, что при всех явных различиях между государями, некоторое «братское» сходство в характерах, в поведении, в общей, так сказать, стилистике дворцовой и придворной жизни всеособенно, если вспомнить сохранялось, 0 консервативности многих ее форм. Но как бы то ни было, сейчас речь идет о самом старшем из братьев.

Екатерина II писала Гримму о своем любимом внуке: «Это чудо-Александр мог бы послужить художнику моделью Купидона...». Воспоминания современников полны рассказов «нежности» и «чувствительности», «чрезвычайной чувствительности», деликатности», «ангельской доброте», «необычайной «сердечности», «утонченной деликатности» голубоглазого («цвета безоблачного неба») и белокурого («золотисто-светлые волосы») императора. «Император остался тем же самым в высшей степени любезным человеком, полным доброты и приветливости... Он так же предупредителен и сердечен ». Все слова и поступки Александра I, по выражению А.М.Муравьева, «дышали желанием быть любимым». 3 С. Шуазель-Гуфье вспоминала, что он бывал «слишком», «преувеличенно любезен», флигель-адъютант императора А.И.Чернышев прозвал его «прельстителем», «un vrai charmant" (сущим прельстителем) именовал М.М.Сперанский. Н.Н.Фирсов, обобщая безо всякой оглядки на Гоголя, дал следующее характеристики Александра: определение личности «Из него вышел государственный и социальный реформатор, а просто «сладенький

человечек». ⁴ Ср. у Гоголя о Манилове: «На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства».

Александр I «беспрестанно выражал заботливость о своем брате, о сестрах, наставниках, даже о предметах неодушевленных, например, о царскосельских садах». 5 Забота государя Александра Павловича о царскосельских садах выражалась, в частности, в строительстве против главных ворот Запасного дворца ампирных чугунных характерной надписью: «Любезным Моим Сослуживцам» (1818, проект арх. В.П.Стасова), перестройке павильона «Монбижу» в «англоготическом стиле». Да и весь пейзажный парк в западной части царскосельского комплекса в целом преобразился при нем (государь всегда «с восхищением отзывался об английских парках» и об искусстве английских садоводов) в парк «романтического» характера с таинственными тенистыми сумеречными аллеями, заросшими прудами (ср. с описанием «аглицкого сада» в имении Манилова). К тому же в 1812 г. здесь возводится почти сорокаметровая Белая башня, на которой «была устроена самая высокая в Царском Селе обзорная площадка, откуда были видны не только парк, но и далекие окрестности» Санкт-Петербурга⁶. Ср. с мечтаниями Манилова о «доме с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о какихнибудь приятных предметах». Ср. также с названием летнего дворца великого князя Константина Павловича в Варшаве – Бельведер. что Гоголь прекрасно знал Царское Село, Остается добавить, неоднократно бывал здесь, начиная с лета 1831 г., когда встречался в Царском с Пушкиным и Жуковским. Посещал писатель и Варшаву, например, в сентябре 1839 г.

В «возвышенный» архитектурный же ряд легко «встраивается» и маниловская беседка с надписью «Храм уединенного размышления», название которой писатель ΜΟΓ, Н.И.Осьмаковой, заимствовать из одной из романтических статей журнала П.А.Корсакова «Русский Пустынник, или Наблюдатель отечественных нравов», выходившего в Санкт-Петербурге в 1817 г. ⁷. «Он постоянно стремился к уединению» – вот рефрен многочисленных воспоминаний современников об Александре І. К тому же именно Александр Павлович в отличие от Николая Павловича, но в полном с маниловским образом жизни, неоднократно соответствии протяжении всей своей жизни выражал желание, как он об этом писал еще в 1796 г. Лагарпу, «жить спокойно частным человеком, полагая свое счастие в обществе друзей и в изучении природы»⁸. Правда, в отличие от гоголевского помещика, Александр I стремился уехать из

столицы то на берега Рейна, то в Америку, то в Крым, то еще куданибудь подальше (отсюда истоки знаменитой легенды о старце Федоре Кузьмиче).

Что до «общества друзей», то во многом именно Александру I эпоха, вероятно, обязана расцветом культа дружбы. Вспомним, надо полагать, вполне искреннюю и многолетнюю привязанность императора к А.А.Аракчееву, хотя, разумеется, в дружбе начальника и подчиненного всегда присутствует некая ущербность. Другое дело дружба равных или, по крайней мере, близких по своему социальному положению персон. И здесь российский император не раз демонстрировал образцы самых возвышенных «сердечных чувств», порой даже, по мнению многих современников и историков, за счет государственных интересов. Взять хотя бы впечатляющую романтическую сцену осенней полуночью 1805 г. в склепе гарнизонной церкви Потсдама: здесь Александр I и прусский король Фридрих-Вильгельм III над гробом Фридриха Великого поклялись друг другу в вечной дружбе. Что императора, касается русского TO ОН оставался верен этой «нежнейшей», по словам самого Александра, дружбе до конца. И не так уж не прав, возможно, кн. Адам Чарторыйский, писавший своему государю: «Интимная дружба, которая связала Ваше императорское величество с Королем после нескольких дней знакомства, привела к тому, что Вы перестали рассматривать Пруссию, как политическое государство, но увидели в ней дорогую Вам особу, по отношению к которой признали необходимым руководствоваться особыми обязательствами». Этими особыми обязательствами, по мнению объясняются зарубежные выступления русской армии на стороне Пруссии в антинаполеоновских войнах начала века, что далеко не всегда отвечало политическим целям России.

А чего стоит не менее выразительная сцена в феврале 1808 г. в эрфуртском театре во время представления вольтеровского «Эдипа», которое первый состав «Комеди Франсез» давал перед «партером королей» (здесь помимо сидевших рядом Александра и Наполеона присутствовали все вассальные по отношению к Франции государи и другие владетельные особы). Как только Ф.Ж.Тальма в роли Филоктета произнес со сцены реплику: «Дружба великого человека — вот подарок богов!» Александр воскликнул: «Вот слова, сказанные для меня!» встал и обнял (по другой версии только пожал руку) Наполеона под бурную овацию всего зала. Как тут не процитировать чичиковское рассуждение: «О, это справедливо. Это совершенно справедливо!.. Что все сокровища тогда в мире! «Не имей денег, имей хороших людей для обращения», сказал один мудрец!»

И даже к «деликатной» реплике Манилова в ответ на предложение Чичикова «иметь мертвых» крестьян: «Как-с? извините... я несколько

туг на ухо...» в данном контексте можно отнестись буквально и с полным доверием. Ведь хорошо известно, что Александр Павлович был глуховат на левое ухо. Причиной этому называют разное: кто открытые окна спальни младенчествующего внука Екатерины Великой в Зимнем дворце во время пушечной пальбы с пристани «в отведенные часы», кто частое присутствие юного великого князя на батарейных стрельбах при учениях отцовского гатчинского гарнизона.

Что же касается «отчасти греческих» имен сыновей Манилова: Фемистоклюс и Алкид, то первой стала давать своим внукам подобные «небывалые в нашем царствующем доме» (Н.К.Шильдер) имена как раз Екатерина II. Историки издавна связывают такое отступление от династической традиции знаменитым «греческим проектом» co императрицы. Имя старшего из внуков, данное в честь святого благоверного князя Александра Невского, должно было напоминать и о вселенском наследии Александра Македонского. Имя же второго, крещенного в память святого, равноапостольного римского императора Константина Великого, окончательно перенесшего столицу своей переименовавшего Византию империи И Константинополь (град Константина), свидетельствовало о проекте воссоздания Восточной, Греческой империи (после освобождения ее от турецкой власти) под эгидой России9. Сохранились сведения о том, что подобные планы «возобновления» Священной Римской (Западной) и Византийской (Восточной) империй Наполеон и Александр I обсуждали во время свидания в Эрфурте. Впрочем, на такое разделение мира между собой и русским императором Наполеон рассчитывал совсем недолго. В его «рукаве» таился не менее грандиозный проект: в случае успешного покорения России обратить все свои силы против турок и захватить Константинополь уже самостоятельно.

Но к осени 1812 года всем наполеоновским планам пришел конец: стал ясен неизбежный разгром его армии. Тогда же возникла идея о необходимости увековечить подвиг страны и народа в Отечественной войне. Место воздвижения памятника не вызывало сомнений – древняя пожертвовала собой ради победы над захватчиком. Первоначально мысль о памятнике, посвященном триумфу русского оружия, обратилась к аналогичному опыту злейшего врага и в качестве художественного образца была избрана Вандомская воздвигнутая на одноименной площади Парижа в 1806-1810 гг. по проекту архитекторов Ж.Гондуэна и Ж.Б.Лепера. Колонну венчала статуя Наполеона (высота колонны со статуей – 43,5 м), а ее каменный фуст был обвит почти трехсотметровой спиралью из бронзовых листьев, на которых были изображены события кампании 1805 г. от снятия Булонского лагеря до Аустерлицкого сражения. Все это было отлито по приказу Наполеона из пушек, захваченных французами во время победоносных битв с Австрией и Россией.

Именно о вражеских орудиях первым делом вспомнил и Александр. Во всяком случае, уже в ноябрьском 1812 г. послании М.И.Кутузову он приказал «всю отбитую у неприятеля артиллерию препровождать в Москву». ^{10}

20 декабря московский генерал-губернатор граф В.П.Растопчин государю: «Честь имею препроводить Императорскому Величеству три проекта памятника, который должен будет свидетельствовать перед грядущими веками о безумии Наполеона и о Вашей мудрости. Для пирамиды в том виде, как она проектирована, потребуется 800 пушек, но ежели употребить на нее еще больше орудий, то она будет гораздо красивее, выиграв в высоте». ¹¹ По предположению Е.И.Кириченко, авторами этих проектов были А.Н.Воронихин, Тома де Томон и А.А.Михайлов. 12 Однако ни один из проектов не был в Москве осуществлен (впоследствии сама идея триумфального реализована петербургской столпа была Александровской колонне).

Незадолго до получения растопчинского письма Александру стала известна идея совершенно другого памятника в честь победы в Отечественной войне 1812 г. Она была изложена и детально разработана в письме от 17 декабря дежурного генерала штаба армий П.А.Кикина к государственному секретарю, адмиралу и писателю А.С.Шишкову. Суть этой идеи состояла в том, чтобы увековечить память о жертвах и подвиге великой войны не в виде триумфальной колонны или обелиска, в той или иной степени ориентированных на античные, языческие образцы, а воздвижением храма во имя Спасителя, что в гораздо большей степени соотносилось с православной, древнерусской традицией. Именно это предложение и было тотчас же одобрено императором.

Сразу же после изгнания французов из пределов государства Александр I в Вильне 25 декабря 1812 г. подписал манифест, в котором говорилось о «спасении России от врагов, столь многочисленных силами, сколь злых и свирепых намерениями и делами», что свидетельствовало о «явно излиянной на Россию благости Божией». И далее следовало: «В сохранение вечной памяти и того беспримерного усердия, верности и любви к вере и отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ российский и в ознаменование благодарности Нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели, вознамерились Мы в первопрестольном граде Нашем Москве создать церковь во имя Спасителя Христа.... Да благословит Всевышний начинание наше! Да свершится оно. Да простоит сей храм многие века и да курится в нем перед святым

престолом Божиим кадило благодарности до позднейших родов вместе с любовию и подражанием к делам их предков». ¹³

Тем временем Александр I отправился в заграничный поход, а когда в декабре 1815 г. вернулся в Россию его уже ждали несколько проектов Храма Христа Спасителя, в числе которых находился и архитектора К.-М. Витберга. Он был представлен через обер-прокурора кн. А.Н.Голицына и министра народного Святейшего Синода просвещения гр. А.К.Разумовского, назвавшего проект «новой поэзией в архитектуре». А вот что писал государь самому автору проекта, ознакомившись с его работой: «Я чрезвычайно доволен Вашим проектом. Вы отгадали мое желание, удовлетворили моей мысли об этом храме. Я желал, чтобы он был не одна куча камней, как обыкновенные здания, но был одушевлен какой-либо религиозной идеей; но я не ожидал получить какое-либо удовлетворение, не ожидал, чтоб кто-либо был одушевлен ею, и потому скрывал свое желание. И вот я рассматривал до двадцати проектов, в числе которых есть весьма хорошие, но все вещи самые обыкновенные. Вы же заставили камни говорить». 14

Проект действительно был необычен. Прежде всего, это была едва ли не первая в истории мирового зодчества попытка создать трехчастный храм. Вот как описывал его Д.Н.Свербеев: «Это огромнейших размеров здание начиналось уже церковью во имя сошествия Христа в ад; над ней сооружался храм Рождества Спасителя, а еще выше второго должен был возвышаться храм Восресения». 15 Проект поражал современников художественной «необыкновенной смелостью мысли таинственностью ее мистического значения». Это «мистическое значение» в определенном смысле было плодом коллективного творчества. Дело в том в том, что сын «малярного дела гезеля» и «лакировщика-живописца», выпускник отделения исторической живописи Российской академии художеств Карл-Магнус Витберг был еще со студенческих лет близок сначала к конференц-секретарю, а затем к вице-президенту Академии художеств А.Ф. Лабзину. Тот и талантливого юношу в знаменитую масонскую «Умирающий Сфинкс», одну из первых тайных лож в России, в которой сам Лабзин и был мастером. Витберг быстро поднимался по лестнице масонских степеней, о чем могут свидетельствовать семь орденских знаков «брата-масона» архитектора, хранящихся в фондах краеведческого музея. Через Лабзина Витберг заводил необходимые знакомства: литераторами, художниками, государственными c деятелями (Г.Р.Державиным, И.И.Дмитриевым и др.). Прежде чем подавать на Высочайшее рассмотрение проект храма Христа Спасителя он несколько раз обсуждался в высшем масонском кругу, в частности

вместе с Н.И.Новиковым и С.И.Гамалеей «не столько с архитектурной его стороны, сколько со стороны внутренней масонской идеи».

Согласно этой идее «человек сам храм», состоящий из трех начал: отсюда тройственный состав проекта. Первый — храм тела должен располагаться внизу и иметь форму параллелепипеда, второй (храм души) в форме креста стоять на поверхности горы, возвышенности, третий (храм духа) возноситься вверх в виде круга, ротонды. «Весь стиль храма, - по мысли Витберга, - надлежало избрать в греческом характере, который своею правильностью и изящностью форм придавал бы возможное величие зданию, поражая своей простотою».

Нижний храм архитектор предполагал посвятить воспоминаниям о жертвах войны 1812 г., к нему с двух сторон должна была примыкать колоннада длиною свыше 600 м, а стены украшаться барельефами истории побед Отечественной войны с помещенными над ними важнейшими реляциями и манифестами. По концам колоннады первоначально планировалось возвести два памятника «из завоеванных пушек» (как мы видим, им все-таки пытались найти применение). Средний храм должен был окружаться галереею длиною с каждой стороны чуть меньше 200 м. Третий храм предполагалось увенчать в четырех меньших разместить 48 колоколов, пятью главами, составляющих «четыре гармонических музыкальных аккорда». Между собой храмы планировалось соединить каменной «пятиуступной» лестницей шириною более 100 м. Высота всего сооружения от подошвы горы до креста должна была составить около 230 м. 16 Для сравнения: высота римского собора св. Петра от пола до креста составляет 141, 5 м. целом специалистов, проект, ПО мнению же эклектичностью, испытал влияние самых различных образцов (от римских руин Пиранези до ряда ампирных памятников) и заслужил от академика И.Грабаря определение «романтически экзальтированного архитектурного бреда». У проекта было немало противников и среди современников: святитель Филарет (Дроздов), гр. А.А.Аракчеев, Н.М.Карамзин и др.

Первоначально Витберг планировал возвести свой храм на кремлевском косогоре, но Александр I решил, что «неприлично разрушать древний Кремль, и самое здание будет неуместно, смешиваясь с византийскими зданиями Кремля». Поэтому площадкой для возведения храма были, в конце концов, избраны Воробьевы горы, «корона Москвы», по определению государя Александра Павловича, дозволяющая, по словам Витберга, видеть здание из города в его «геометральном виде». К тому же храм должен был располагаться между «обоими путями неприятеля, взошедшего по Смоленской дороге и вышедшего по Калужской». Именно на этом месте располагался, по мнению москвичей, в 1812 г. последний неприятельский пикет.

12 октября 1817 г. здесь состоялась торжественная закладка храма. своей грандиозности Мероприятие по вполне соответствовало масштабу будущего строительства. На торжестве присутствовал, по существу, весь императорский двор, свыше 500 человек духовенства, управляющего московской митрополией, архиепископа Дмитровского Августина (Виноградского), митрополита грузинского Иону, архимандритов всех московских монастырей, до 50 тысяч войск, специально прибывших из Санкт-Петербурга. Самих москвичей на празднике было свыше 400 тысяч человек, т.е. почти все население древней столицы. По совершении литургии и крестного хода, впереди которого несли хоругви и две самые почитаемые московские святыни, чудотворные иконы Божией матери Владимирской и Иверской, сам государь первым заложил в камень крестообразную вызолоченную закладную доску. Процедура завершилась «при оглушительном «ура» нескольких сот тысяч зрителей, при пушечной неумолкаемой пальбе и повсеместном колокольном звоне». Вскоре после этого события Витберг, по желанию государя, перешел в православие, приняв имя Александра в честь своего восприемника.

Однако, по свидетельству Е.П.Яньковой, москвичи, несмотря на торжественную обстановку закладки «такого великолепного и обширного храма, каковых не было, нет и не будет», «вместо всеобщего восторга стали говорить шепотом, что храму не бывать на Воробьевых горах». ¹⁷ И они оказались правы. Вряд ли имеет смысл рассказывать хотя бы об основных этапах крушения строительства Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах, о деятельности Высочайше утвержденной в 1820 г. Комиссии для сооружения Храма во имя Христа Спасителя, состоявшей «под непосредственным ведением» самого государя.

Лучше обратиться к тексту одиннадцатой главы «Мертвых душ», повествующей, в частности, об одном из этапов жизненного пути Павла Ивановича Чичикова. «Образовалась комиссия для построения какоговесьма капитального строения. В эту комиссию казенного пристроился и он, и оказался одним из деятельнейших членов». В первоначальной редакции этой главы содержалось и вполне конкретное указание на то, что речь идет именно о Комиссии по сооружению Храма Христа Спасителя в Москве. Любопытно, что один из самых внимательных гоголевских читателей среди русских писателей XX в. М.А.Булгаков в своей комедии «Мертвые души» вложил в уста ее «восстанавливающую» первоначальную героя реплику, редакцию гоголевской главы. Рассказывая о своем служебном поприще, булгаковский Чичиков так прямо и говорит (акт I, картина I): «Был в комиссии построения... Храма Спасителя в Москве». 18

Однако продолжим цитату из гоголевской поэмы: «Комиссия немедленно приступила к делу. Шесть лет возилась около здания; но климат, что ли мешал или материал уже был такой, только никак не шло казенное здание выше фундамента. А между тем в других концах города очутилось у каждого из членов по красивому дому гражданской архитектуры: видно, грунт земли был там получше». Замечание по «гражданской архитектуры» здесь явный «реликт» строение» первоначальной редакции, которой «казенное архитектуре церковной образом, принадлежало И, таким противопоставлялось архитектуре гражданской. Неслучайно упоминание о «грунте земли» – витберговский храм возводился, по словам москвичей, на «зыбучих песках», что в немалой степени затрудняло строительство¹⁹. Как всегда, Гоголь точен и в смысле хронологии.

Действительно через шесть лет после учреждения Комиссии, уже в царствование императора Николая I, по его ноябрьскому указу 1826 г. генерал-адъютанту С.С.Стрекалову было поручено расследовать все дела Комиссии за все время ее существования. Или вот как об этом рассказывается в «Мертвых душах»: «Но вдруг на место прежнего тюфяка был прислан новый начальник, человек военный, строгий, враг взяточников и всего, что зовется неправдой». Тут также необходимы комментарии. Под тюфяком безусловно подразумевается непременный член Комиссии «в звании директора строения и экономической части», «академик, коллежский асессор», а затем надворный советник, кавалер ордена св. Владимира 3-й степени А.Витберг. Именно он, по словам мемуариста, «в деле стройки запутался как поэт, не умевший вести никаких счетов, полагавший, что это не нужно, что это совершится какнибудь само собою» (Н.В.Берг)²⁰. В результате дело для Витберга закончилось ссылкой в Вятку. Судьба Чичикова, благодаря протекции «умного» генеральского секретаря и сострадательности генерала к несуществующему, но «несчастному семейству» Павла Ивановича оказалась не столь печальной, хотя поначалу все складывалось совсем плохо.

Ведь генерал сразу же «пугнул» «всех до одного, потребовал отчеты, увидел недочеты, на каждом шагу недостающие суммы, заметил в ту же минуту дома красивой гражданской архитектуры, и пошла переборка. Чиновники были отставлены от должности; дома гражданской архитектуры поступили в казну и обращены были на разные богоугодные заведения и школы для кантонистов, все распушено было в прах, и Чичиков более других». В действительности дело развивалось так: в результате стрекаловской ревизии 11 июня 1827 г. последовал сенатский указ об упразднении Комиссии о сооружении в Москве храма во имя Христа Спасителя, а в феврале следующего года — Высочайшее

повеление об отдаче членов Комиссии под суд Московской уголовной палаты. В том же году «после проверки отчетов» за Комиссией насчитали до 900 тысяч руб. «разного рода растрат» и имения ряда членов комиссии были секвестированы. И только в 1835 г. было объявлено окончательное решение Московской уголовной палаты, рассмотренное Государственным советом и утвержденное Николаем І. В нем речь шла о том, что в «покрытие убытков», «все имущество осужденных» было взято в казну и продано с публичных торгов.

Гоголь был достаточно осведомлен об обстоятельствах деятельности Комиссии и их последствиях. Сосед Гоголей по имению некий г-н Клименко был членом Комиссии и в самом начале процесса отстранен от должности за хищения и умер под судом, несмотря на все хлопоты через посредство В.А.Гоголя влиятельных земляков (Д.П.Трощинского и др.) о реабилитации. Его вдова, М.В.Клименко, несмотря на это, решила добиваться пенсии по умершему мужу-чиновнику и, по желанию М.В.Гоголь, ее сын должен был содействовать в Петербурге этому делу. 11 февраля 1831 г. он писал матери в Васильевку: «Насчет дела г-жи Клименковой удовлетворительного ничего не могу сказать. Одна только сильная протекция могла бы сделать что-нибудь в ее пользу, но и то не в таких обстоятельствах, как ее нынешние. Вам, я думаю, известно, что комиссия построения храма в Москве уничтожена по причине страшных сумм, истраченных ее чиновниками. Все они находятся едва ли до сих пор не под следствием; следовательно, не только не в праве требовать себе пенсии, но даже могут ожидать неприятностей».

Эти сюжеты, в которых столь причудливым образом соединяются великое и смешное, историческое и бытовое, мистическое и уголовное, объединяет одно. Они принадлежат эпохе, во многом по-прежнему остающейся для нас загадочной, и писателю, тайну творчества которого будет разгадывать еще не одно поколение читателей.

_

 $^{^{1}}$ Лихачев Д.С. Избранные работы в 3 тт., т.3, Л., 1987, с.246.

² Voss von S.-M. Neunundsechzig Jahre am preussischen Hofe. Leipzig, 1887, p. 294.

³ Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981, с.123.

⁴ Фирсов Н.Н. Александр Первый. Личная характеристика // Былое, 1922, №23, с.9.

⁵ Эдлинг Р.С. Записки // История России и дома Романовых в мемуарах современников. Державный сфинкс. М., 1999, с.166.

⁶ Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. М., 1988, с.233 (глава «Царское Село – «энциклопедия» русского парка»).

7 См.: Осьмакова Н.И. Гоголь и Русский Пустынник // Лица. Биографический альманах. Вып.4, М.-СПб., 1994, с.348-350.

- ⁸ Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т.1, СПб., 1897, с.114. ⁹ Ср.: Архангельский А.Н. Александр I, М., 2000, с.18-19; Ср. также: Лихачев Д.С. Избранные работы..., Т.3, с.250. Ясно, что Николай І, называя теперь уже своих детей Константином (именем первого и последнего византийского императора) и, также как и своего младшего брата, Михаилом - именем будущего библейского «великого князя», защитника веры и народа, согласно, в частности пророчеству Даниила (12,1), следовал традиции, установленной Екатериной II. Любопытно, что имена сыновей Манилова, в том виде, в каком они указаны у Гоголя, в православных святцах, вообще, не упоминаются. Хотя, конечно, латинизированное имя будущего «посланника» может восходить к имени мирликийского мученика 251 г. Фемистоклея (день памяти 21 декабря), а имя его младшего брата, возможно, образовано от имени другого мученика «в огне» – Алкивиада (день памяти 16 августа). См.: Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока (репринт изд. 1902), т. ІІ, М., 1997, с. 248, 390. Сироткин В.Г., Козлов В.Т. Традиции Бородина: Память и памятники. М., 1989, с.26.
- 11 Пожар Москвы. По воспоминаниям и переписке современников. М., 1911, ч.1, с.89-90.
- ¹² Кириченко Е.И. Вандомская колонна в Париже и Александрийский столп в Петербурге: символика уподоблений и противопоставления // Россия и Франция XVIII-XX века. М., 1995. c.91-92.
- 13 Цит. по: Мостовский М. История Храма Христа Спасителя в Москве. М., 1884, с.218.
- ^{14} Цит. по: Снегирев В.Л. Архитектор А.Л.Витберг. Жизнь и творчество. М.-Л., 1939, с. 30.

¹⁵ Свербеев Д.Н. Записки. Т.1, М., 1899, с.208.

- ¹⁶ См.: Витберг Ф. Витберг и его проект Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах // Старые годы, 1912, февраль.
- ¹⁷ Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово. Л., 1989, с.204.
- ³ Булгаков М.А. Собр. соч. в 5 тт., т.4, М., 1990, с.12.
- ¹⁹ Рассказы бабушки, с.204. Ср.: Мостовский М. История Храма Христа Спасителя..., с.231.
- 20 См.: Берг Н. Заметка об академике Витберге // Русская старина, 1872, №8.